

Н. Н. Жидкевич

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВНУТРЕННЕЙ ВОЗВРАТНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Тогда как едва ли не для большинства современных российских провинциальных семей вынужденный отъезд на заработки на экономически более благополучные территории стал основной моделью жизнеобеспечения, это явление почти не известно ни политической, ни научной общественности. Представляется важным осветить характеристики людей, занятых подобной трудовой миграцией, в разных разрезах, в том числе и в географическом. Целью настоящего исследования является описание региональных различий современной внутренней возвратной трудовой миграции (далее – трудовой миграции) и выявление причин различий в социально-экономических характеристиках внутренних возвратных трудовых мигрантов (далее – трудовых мигрантов).

Материалы и методы. Для сравнения выбраны два контрастных по видам трудовой миграции и характеру трудового поведения мигрантов региона – Костромская (традиционный регион северного неземледельческого промышленного отхода) и Саратовская (южный регион) области. Результаты исследования получены на основании наблюдений в местах постоянного проживания трудовых мигрантов и 93 глубинных интервью.

Результаты. Оценены масштабы занятых трудовой миграцией для каждого региона; исследована специфика трудовой деятельности мигранта-костромича и мигранта-саратовца; рассмотрены причины региональных различий в социально-экономических и мотивационных характеристиках; выделены два социальных типа трудового мигранта.

Выводы. Описание характера трудовой миграции и поведения трудовых мигрантов позволяют зафиксировать наличие социальных типов северного и южного трудового мигранта, различающихся по ряду поведенческих, мотивационных, культурных и экономических характеристик.

Ключевые слова: внутренняя возвратная трудовая миграция, отходники, региональные различия трудовой миграции.

N. N. Zhidkevich

REGIONAL DIFFERENCES OF INTERNAL LABOR MIGRATION

Abstract.

Background. Nowadays a large part of Russian provincials are forced to leave home on regular basis to earn a living for their families by working in other regions. Despite the scale of this phenomenon, it is ignored both by the politicians and by the scientific community. We believe it is important to provide a general description of such labor migrants and outline their specific regional features. The goal of the study is to describe the regional differences of the contemporary regular forced internal labor migration (hereinafter – labor migration) and to identify the reasons underlying the diversity in the social and economic characteristics of such migrating workers (hereinafter – labor migrants).

Materials and methods. The Kostroma (traditional northern center of nonagricultural seasonal labor migration) and Saratov (southern region) regions were selected

for comparison. They strongly differ in what concerns the types of labor migration and labor behavior characteristics. The results are obtained by observing the labor migrants at places where they permanently reside, and on the basis of 93 detailed interviews.

Results. The author evaluated the scale of labor migration in both regions; studied the labor activity specific for the labor migrants of the Kostroma and Saratov region; considered the reasons for regional differences in social and economic and motivational characteristics; identified two social types of labor migrants.

Conclusions. The description of labor migration and migrants' behavior allows identifying the existence of social types of the northern and the southern labor migrants. They differ by a variety of features, including behavior, motivation, cultural and economic aspects.

Key words: labor migration, labor migrants, contemporary regular forced internal labor migration, regional differences in regular forced internal labor migration.

Системный кризис 1990-х гг. активировал в провинции особый вид трудовой миграции – самодеятельный и самостоятельный вынужденный возвратный выезд на заработки из мест, где практически отсутствует рынок труда, в промышленно развитые регионы, прежде всего на рынки труда Москвы, Подмоскovie, Санкт-Петербурга и других крупных российских городов.

Исследования современной трудовой миграции позволили зафиксировать существенные различия в социальных характеристиках современных внутренних возвратных трудовых мигрантов (далее – трудовых мигрантов), проживающих в северных и южных регионах европейской России. Как и для исторических отходников, совокупность многих условий определила дифференциацию трудовой деятельности, направлений трудовой миграции, уровня заработков и, соответственно, образа жизни новых трудовых мигрантов. Рабочая гипотеза исследования сложилась в результате наших полевых наблюдений в 2011–2013 гг. Проводя исследования на Русском Севере, в центральных и южных областях европейской части России, мы обнаружили различия в социальных характеристиках трудовых мигрантов, что и явилось основанием для предположения о возможности выделения двух типов трудовых мигрантов, северных и южных, различающихся по видам и характеру трудовой деятельности, а также образу жизни во время работы в отъезде и дома. Проверка гипотезы была осуществлена нами в 2013 г. при сравнении социальных характеристик трудовых мигрантов Костромской и Саратовской областей.

Полевые исследования (в мае 2011 г. – июле 2013 г.) охватили 15 регионов: Мордовию, Чувашию, Пермский край, Архангельскую, Вологодскую, Ивановскую, Костромскую, Ленинградскую, Нижегородскую, Пензенскую, Псковскую, Рязанскую, Саратовскую, Тверскую, Ярославскую области. Затем для детального описания различий в видах трудовой миграции и типах трудовых мигрантов были выбраны контрастные Костромская и Саратовская области – регионы, наиболее полно представляющие север и юг в соответствии с объемом собранных материалов. Два сравниваемых региона исторически различались тем, что Костромская губерния являлась районом массового внеземледельческого отхода, а Саратовской дореволюционное отходничество было практически не свойственно. В Костромской области нами обследовано

десять населенных пунктов в пяти муниципальных районах – Кологривском, Макарьевском, Мантуровском, Солигаличском и Чухломском. В Саратовской области обследовано шесть населенных пунктов в трех районах – Калининском, Лысогорском и Александрово-Гайском.

Специфика предмета исследования предполагала использование почти исключительно качественных социологических методов – глубинного фокусированного интервью и наблюдения. Основными респондентами при интервьюировании были трудовые мигранты, которыми считались все индивиды, постоянно, регулярно, вынужденно и по своей инициативе выезжающие на работу из своего населенного пункта и проводящие за его пределами значительную часть времени (не менее пяти суток). Интервью брались также у бывших трудовых мигрантов. Интервью фокусировались на социально-психологических особенностях трудового мигранта и на его рабочих характеристиках. Использовался вопросник для интервьюера, который включал шесть блоков: описание социально-психологических особенностей, социально-трудовые, социально-демографические, социально-экономические, социально-бытовые и статусные характеристики. Одновременно с интервью осуществлялось наблюдение поведения трудового мигранта: фиксировалась манера поведения человека, его коммуникабельность, внешние признаки состояния здоровья, детали внешнего облика, состояние дома и участка (либо квартиры), особенности взаимодействий с домочадцами и другими местными жителями.

В Костромской области получено 31 глубинное интервью с трудовыми мигрантами, в Саратовской – всего девять. В случае если трудовой мигрант по тем или иным причинам отсутствовал, его самого и его домохозяйство могли представлять члены семьи и родственники. Таких интервью получено 12 и 11 соответственно. Также опрашивались люди, на заработки не ездящие. С помощью их ответов мы получали представление об отношении к трудовым мигрантам в местном обществе, об оценке их действий и поведения со стороны людей, работающих по месту жительства, и т.д. От таких респондентов получено 20 и 10 интервью соответственно.

По нашим наблюдениям, в Костромской и Саратовской областях неодинакова доля людей, уезжающих работать за пределы своего населенного пункта. В каждом районе Костромской области цифры разнятся, но общая ситуация следующая: уезжают около 40 % мужского и около 5 % женского населения в трудоспособном возрасте. Саратовская трудовая миграция масштабнее: по нашим оценкам, среди жителей трудоспособного возраста доля выезжающих на работу мужчин составляет около 60 %, доля выезжающих на работу женщин – до 30 %. Трудовая миграция там настолько распространена, что тема поездок на заработки даже не сразу воспринимается респондентами всерьез: для них это не «явление», а обыденная реальность. Показателен пример одной из наших респонденток, оказавшейся одновременно матерью троих трудовых мигрантов, бабушкой двоих и тещей одного – итого в ее семье и среди родственников шестеро трудовых мигрантов. Наш вывод о сравнительно больших масштабах южной трудовой миграции по сравнению с северной, основанный на непосредственных полевых наблюдениях, подтверждается, в частности, исследованиями социальной структуры в северном и южном малых городах европейской России [1, с. 59].

Региональные контрасты есть и в половом составе трудовых мигрантов. Костромские респонденты отмечали, что они либо не слышали о случаях

женской трудовой миграции, либо с чьих-то слов знают о каких-то единичных случаях. Ни в одном из северных регионов среди наших респондентов не было женщин – трудовых мигрантов. В Саратовской области, напротив, и по оценкам респондентов, и по количеству респонденток – трудовых мигрантов, женщины ездят на заработки наравне с мужчинами. Выезжают преимущественно молодые незамужние девушки, ищущие возможности как-либо закрепиться в городе, матери-одиночки, вынужденные содержать и обучать подрастающих детей, и разведенные, вдовы или одинокие женщины в зрелом возрасте, живущие «для себя». Редко, но работают в отъезде и замужние женщины.

По нашим оценкам, около 3/4 от опрошенных костромских трудовых мигрантов специализируются на изготовлении и установке под частный заказ срубов – деревянных домов, дач, бань и т.п. Оставшиеся 1/4 заняты в разных сферах: работают водителями, строителями монолитных домов, редко охранниками. Подавляющее большинство заказов на срубщики идет из Москвы и ближайшего Подмосковья. Трудовой мигрант-срубщик – человек чаще всего среднего возраста или пожилой. Это неудивительно, ведь люди в возрасте лучше знают особенности плотничества. Выполняя тяжелую, требующую особых умений, навыков и репутации работу, костромской трудовой мигрант, работая бригадой из трех-пяти человек, зарабатывает до 100 тыс. руб. на каждого за заказ. Трудовой мигрант официально на работу не устроен, работает сезонно (сезон длится шесть-восемь бесснежных месяцев, в ходе которых трудовой мигрант дома проводит около недели ежемесячно). Мигрант работает без выходных, все светлое время суток, сознательно лишая себя почти всегда свободного времени. С наступлением зимы сезон заканчивается, и трудовой мигрант-срубщик устраивается на подработку, например, в котельную, нередко с намерением сохранения трудового стажа. Годовой доход срубщика составляет в среднем 400–500 тыс. руб. исключительно за счет сезонного строительства.

Для трудовых мигрантов-саратовцев и направления, и специализации трудовой миграции более разнообразны. Примерно 1/3 трудовых мигрантов из опрошенных нами домохозяйств ездят работать вахтами в Западную Сибирь (местные жители называют их «северяне»). Такие трудовые мигранты могут отсутствовать дома месяц, могут и более полугодом. В зависимости от выполняемой работы и режима вахтовика зарабатывают от 300 до 700 тыс. рублей в год. Примерно половина саратовцев едет работать в ту или иную сферу в Москву и Подмосковье (либо разъезжаются по всей России, нанятые фирмами, базирующимися в Москве). Примечательно, что «в Москве» – это название не профессии, а образа жизни [2, с. 249]. Важно не то, в какой сфере трудится человек, а то, что работает он на территории, где «крутятся» ощутимо бóльшие деньги. Наконец, 1/5 часть трудовых мигрантов ездит в Саратов, Энгельс, еще куда-то по области. Люди едут на самые разные работы¹. Специальности различаются по требованиям, условиям и заработной плате,

¹ Так, помимо «северян», мы брали интервью у охранника, рабочего на газопроводе, разнорабочего на строительстве монолитных домов, арматурщика на заводе ЖБИ, водителя, перегоняющего легковые машины между регионами, водителей погрузчика, фуры, а также у жен оператора котельной, строителя в капитальном строительстве, железнодорожника и тещи развозчика цирковых афиш.

и подводить их к общему знаменателю было бы неправильно, но, исходя из ответов респондентов, работают они преимущественно вахтой две недели через две недели отдыха или месяц через месяц и получают, в зависимости от работы, 15–25 тыс. в месяц (180–300 тыс. руб. в год, без дополнительного заработка в межсезонье). Большая часть саратовских трудовых мигрантов устроена официально. Средний возраст саратовского трудового мигранта ниже среднего возраста трудового мигранта костромского. Мы не встретили среди них людей, которые, будучи пожилыми, занимались бы трудовой миграцией. По мнению П. Великого, это объясняется тем, что столичные работодатели задают для трудовых мигрантов возрастные ограничения [3, с. 45].

Анализ полевых материалов позволяет фиксировать прямое влияние географического положения на характеристики трудовой миграции. Плотность населения Саратовской области почти в 2,5 раза превышает соответствующий показатель в Костромской области. Конкуренция за рабочие места на юге существенно больше. Кроме того, на севере есть лес – ресурс, который пользуется устойчивым спросом. Как поясняли северные трудовые мигранты, у них всегда есть возможность работать в лесу или на местной частной пилораме, но условия – тяжесть труда, травматизм, непостоянный характер работы – их не устраивают: «Там постоянно, а здесь дороги закрыли – сидишь дома. По пояс в снегу зимой...» (трудовой мигрант – водитель, около 40 лет, Кологривский район).

На сельскохозяйственном юге соответствующих предприятий в условиях новой российской экономики практически не осталось, а те, что действуют, работают сезонно (например, элеваторы) или не требуют большого числа рабочих рук (например, свиномкомплексы). Все хорошо оплачиваемые рабочие места в малых городах и районах, особенно в бюджетной сфере, заняты. В Саратовской области нет аналога такому доходному сектору, как костромской лес. Поэтому, хоть рабочие места и есть, большинство из них неинтересны потенциальным работникам из-за слишком низких зарплат. Таким образом, экономико-географические обстоятельства через развитость местного рынка труда и плотность населения влияют на конкуренцию за рабочие места и, как следствие, на масштабы трудовой миграции.

Костромская и Саратовская области демонстрируют и разные масштабы женской трудовой миграции. Основываясь на наших наблюдениях, мы предполагаем, что в северной культуре едва ли допускается, чтобы дочь, жена или мать могли работать в отрыве от дома. Возможно, на севере сохраняются еще патриархальные, традиционные взгляды на роль женщины в семье и разделение труда. Культурный аспект, безусловно, имеет некоторое влияние. Но как тогда разрешается проблема одиноких женщин? Ведь статистика разводов по Костромской и Саратовской областям дает примерно одинаковые показатели¹. Наблюдения позволяют предположить, что одинокие женщины

¹ Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Костромской области. Число разводов на 1000 человек населения, 2012 г. – URL: http://kostroma.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kostroma/resources/397f6e004fc8edd1a9aeff6be9e332ec/%D0%94%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F+%D0%9A%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8+%D0%B2+2012+%D0%B3%D0%BE%D0

получают финансовую помощь со стороны родителей, в первую очередь – отцов, которые в силу доходности своей специализации могут тратить часть заработка на обеспечение дочерей. Расхождения во взглядах на женскую трудовую миграцию на севере и на юге прослеживаются четко, однако есть и не вписывающиеся в общий ряд случаи. Например, до революции в соседствующих Калужской и Смоленской губерниях по неопределенным причинам к женщинам-отходникам было неодинаковое отношение: в первой – ровное, во второй – неодобрительное [4, с. 163, 164]. По всей видимости, культурные нормы продолжают повсеместно влиять на географические различия в половом составе трудовых мигрантов.

Различиями в местах проживания косвенно формируются также некоторые мотивационные особенности трудовых мигрантов. В ответах костромских респондентов подспудно оговаривалось, что на заработки едут не потому, что невозможно жить на местные зарплаты, а потому, что есть желание жить лучше, жить благополучно:

«Едут оттого, что охота лучше жить. Руки здесь у людей хорошие, а применения им нет» (человек, работающий по месту жительства, около 60 лет, Кологривский район);

«Это от каждого выбор зависит. Если хочет хлеб с маслом кушать, и в семью чтобы попадало...» (трудовой мигрант – водитель, около 40 лет, Кологривский район);

Интервьюер: *Как Вам кажется, в чем разница между теми, кто ездит, и теми, кто не ездит?*

Респондент: *Началось это все в 90-е. Сначала даже не из-за безработицы. Перестройка, видать, подтолкнула. Подмосковье начало застраиваться. И люди поехали не из-за безработицы, а из-за того, что там зарплаты были выше. А потом уже пошла безработица»* (бывший трудовой мигрант – срубщик, около 55 лет, Чухломский район).

В Саратовской области трудовые мигранты, наоборот, мотивированы тем, что в своем населенном пункте работы нет и на работу в отъезде их гонит нужда:

«Нельзя было так жить. Надо было детям помогать. Стыдно, когда внуки приезжают и нечем их угостить» (трудовой мигрант – водитель, 55 лет, Лысогорский район);

«Толчок был один у нас. Пинок от правительства от нашего, и нам работы тут нигде не стало, пришлось ехать туда. Вот и все» (трудовой мигрант – водитель в Западной Сибири, 55 лет, Калининский район).

Причина этому, как уже указывалось, – высокая конкуренция за рабочие места. Но и в таком случае трудовой миграции на юге есть альтернатива, которую люди в силу разных причин не выбирают. Некоторые южные трудовые мигранты отмечают, что могли бы жить за счет подсобного хозяйства, но отказываются от такой модели жизнеобеспечения из-за слишком высоких затрат на содержание этого хозяйства и – что важно! – излишней трудоемкости. Еще одним трудоемким и утомительным, но «домашним» вариантом жизне-

%B4%D1%83.pdf; Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Число разводов на 1000 человек населения, 2012 г. – URL: http://srtv.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/srtv/resources/85c4c8804d0abfae9724d716bbd41b15/braki.htm

обеспечения является работа на относительно малооплачиваемых, но сразу нескольких работах по месту жительства. Но трудовым мигрантам проще отработать две недели в охране или на стройке, чем «крутиться» на нескольких работах либо держать многочисленный скот, птицу и огород, хотя для этого и есть условия:

«Кто-то умеет выкручиваться на месте в этой ситуации, искать все возможные ходы. То есть берет два-три места работы, как-то крутится. А кто-то по складу характера не может так разрываться на несколько частей, поэтому они едут... А там все-таки стабильность, мне кажется» (жена трудового мигранта – оператора котельной, 45 лет, Калининский район);

«Я даже не знаю, чем отличаются. Они, может, еще и лучше живут, чем те, кто ездит... Как-то приспособливаются. Могут и тут заработать деньги. Не знаю, каким путем это делается, но они умудряются жить хорошо» (трудовой мигрант – водитель в Западной Сибири, 55 лет, Калининский район);

Интервьюер: *А те люди, которые не ездят, чем здесь занимаются?*

Респондент: *Кто здесь работает, у кого свои фермы. Кому дети помогают, если хорошо устроились.*

Интервьюер: *А что им мешает поехать?*

Респондент: *Наверно, нашли заработки хорошие»* (трудовой мигрант – арматурщик на заводе ЖБИ, 30 лет, Александрово-Гайский район).

В свою очередь, как мотивационные различия, так и проживание на севере или юге сопровождаются расхождениями и в ключевых социально-экономических характеристиках. В трудные времена костромские трудовые мигранты «вспомнили» «дедовы промыслы» [1]. Действительно, до революции плотницкий строительный отход был наиболее характерен для костромичей северо-западных уездов [5, с. 39]. К счастью для их потомков, сохраненные навыки рубки срубов оказались востребованными и на новом рынке. Работа срубщика тяжела и достаточно опасна, но высокооплачиваемой ее сделало то обстоятельство, что срубщик обслуживает запросы хорошо обеспеченных горожан, готовых тратить на свою загородную недвижимость большие деньги. Спрос на услуги покрывает предложение, поэтому нет необходимости искать хорошо оплачиваемую работу где-либо еще. Масштаб плотницкой трудовой миграции возрастает также оттого, что трудовой мигрант работает не один, а в бригаде, куда набираются надежные и «свои». Большинство костромичей удовлетворены своим заработком, и, возможно, следствием этого является относительно малая доля костромичей, едущих «за длинным рублем» вахтами в Сибирь.

Наоборот, те из саратовцев, кто предъявляет высокие запросы к уровню заработной платы, стремятся устроиться на «севера»¹:

¹ Трудовой мигрант, уезжающий работать в Западную Сибирь, стоит особняком как для обоих регионов, так и для России в целом. Не так важно, какую именно работу он там выполняет – бульдозериста, слесаря или вальщика, а то, что он находится в общепризнанно тяжелых и часто опасных условиях. Это особый социально-психологический тип, универсальный для любой территории, как севера, так и юга. Везде таких трудовых мигрантов описывают одинаково, все признают их самоотверженность, все отмечают, что совсем не каждый был бы готов так поехать. Местное

«Видите, какие времена: все хотят что-то купить. И хотят сразу, побыстрее. 30 000, допустим, в год человек получает. Покушать, туда-сюда, детям, что останется? И что, на машину пять лет копить? Не каждый готов ждать столько. Поэтому стараются побыстрее и побольше зарабатывать. Там все это быстрее получается» (человек, работающий по месту жительства, около 50 лет, Лысогорский район).

Популярность работы саратовцев в Сибири можно объяснить также тем, что здесь выпускники саратовских «нефтяных» учреждений начального и среднего профессионального образования высоко ценятся в соответствующей сфере деятельности. Распространенность такой трудовой миграции возрастает и потому, что вахтовики со временем обычно перетягивают с собой на Север проверенных друзей и родственников.

Если не брать во внимание стоящих особняком «северян» и сравнивать типичных для Костромской области срубщиков с типичными для Саратовской области разного рода рабочими, мы можем заключить, что саратовцы не имеют специфических профессиональных умений, которые были бы востребованы так же, как искусство рубки срубов.

Вследствие своих высоких заработков трудовой мигрант-срубщик не слишком, но все же выделяется из местного общества. У него, как правило, крепкое хозяйство, жилище отремонтировано или подновлено, имеется личный транспорт (на котором он, в том числе, добирается до места работы вместе с бригадой и инструментом). В местном обществе он считается человеком успешным и обеспеченным. Чувствуется особенное – хоть он и «свой» – отношение к нему со стороны людей, на заработки не едущих.

Саратовский же трудовой мигрант, как по оценкам местных жителей, так и по наблюдаемым внешним признакам, часто либо не отличается по уровню жизни от тех, кто не ездит на заработки, либо отличается даже более низким уровнем жизни (за исключением «северян»). И так как на заработки здесь ездит большинство трудоспособного населения, то особое отношение общества проявляется скорее к людям, работающим по месту жительства, как к меньшинству. Вследствие этого социальное расслоение по уровню доходов в обследованных саратовских населенных пунктах выражено слабо.

Основываясь на материалах наблюдений и интервью и на проведенном анализе, можно выделить два характерных социальных типа трудового мигранта: северный и южный. Трудовой мигрант северный едет на заработки вследствие желания жить лучше, стремится от среднего к высокому уровню жизни. Так как спрос на его работу высок, он получает доход, на который семья может жить обеспеченно. Трудовые мигранты – меньшинство в северном местном обществе. Почти все они – люди активные, инициативные, предприимчивые. На юге же активными и предприимчивыми являются те, кто одержал победу в конкуренции за местные рабочие места, и те, кто готов совмещать несколько малооплачиваемых видов деятельности ради того, чтобы иметь обеспеченную жизнь. Напротив, южные трудовые мигранты, работающие вследствие низкого спроса на их работу и относительной ее легкости не в прибыльных сферах, уезжающие за относительно небольшими деньгами

общество легко оправдывает и чуть ли не одобряет запои, в которые входят «северяне», вернувшиеся с вахты. Примечательно, что из-за высоких доходов мужа жены таких трудовых мигрантов чаще прочих могут позволить себе не работать.

от семьи и дома, являются скорее менее предприимчивыми представителями местного общества.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Имеются объективные региональные различия в характере и масштабах трудовой миграции. Они определяют различия в половой структуре, в мотивационных и социально-экономических характеристиках трудовых мигрантов. Наши исследования в Костромской и Саратовской областях позволяют выделить два социальных типа трудового мигранта – северный и южный.

2. Северный трудовой мигрант в сравнении с южным отличается более доходной специализацией деятельности, самозанятостью и инициативностью в поиске и предложении работы, большей требовательностью к уровню жизни и, как следствие, имеет более высокий статус в местном обществе.

3. Северный трудовой мигрант может рассматриваться как активный член местного общества, а южный трудовой мигрант, наоборот, как менее инициативный, подстраивающийся под обстоятельства местной жизни индивидуум.

Список литературы

1. **Плюснин, Ю. М.** Отходничество в современной России / Ю. М. Плюснин // Отечественные записки. – 2012. – № 5 (50). – С. 240–256.
2. **Лебедушкина, О.** До Москвы одна ночь / О. Лебедушкина // Отечественные записки. – 2008. – № 5 (44). – С. 249–256.
3. **Великий, П. П.** Неотходничество, или лишние люди современной деревни / П. П. Великий // Социологические исследования. – 2010. – № 9. – С. 44–49.
4. **Громыко, М. М.** Мир русской деревни / М. М. Громыко. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 269 с.
5. **Смурова, О. В.** Профессиональные группы крестьян-отходников, работавших в столицах (вторая половина XIX – начало XX в.) / О. В. Смурова // Вестник Костромского государственного технологического университета. – 2007. – № 6. – С. 39–42.

References

1. Plyusnin Yu. M. *Otechestvennyye zapiski* [National proceedings]. 2012, no. 5 (50), pp. 240–256.
2. Lebedushkina O. *Otechestvennyye zapiski* [National proceedings]. 2008, no. 5 (44), pp. 249–256.
3. Velikiy P. P. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2010, no. 9, pp. 44–49.
4. Gromyko M. M. *Mir russkoy derevni* [World of the Russian countryside]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1991, 269 p.
5. Smurova O. V. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State Technological University]. 2007, no. 6, pp. 39–42.

Жидкевич Наталья Николаевна

аспирант, аналитик, проектно-учебная лаборатория муниципального управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20)

E-mail: natalia.zhidkevich@gmail.com

Zhidkevich Natal'ya Nikolaevna

Postgraduate student, analyst, educational design laboratory of municipal administration, National Research University “Higher School of Economics” (20 Myasnitskaya street, Moscow, Russia)

УДК 316.334.52:314

Жидкевич, Н. Н.

Региональные различия внутренней возвратной трудовой миграции / Н. Н. Жидкевич // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 1 (29). – С. 109–118.